

На мельнице

Мельник Алексей Бирюков, здоровенный, коренастый мужчина средних лет, фигурой и лицом похожий на тех топорных, толстокожих и тяжело ступающих матросов, которые снятся детям после чтения Жюль Верна, сидел у порога своей хижины и лениво сосал потухшую трубку. На этот раз он был в серых штанах из грубого солдатского сукна, в больших тяжелых сапогах, но без сюртука и без шапки, хотя на дворе стояла настоящая осень, сырая и холодная. Сквозь расстегнутую жилетку свободно проникала сырая мгла, но большое, черствое, как мозоль, тело мельника, по-видимому, не ощущало холода. Красное, мясистое лицо его по обыкновению было апатично и дрябло, точно спросонок, маленькие, заплывшие глазки угрюмо исподлобья глядели по сторонам то на плотину, то на два сарая с навесами, то на старые, неуклюжие ветлы.

Около сараев сутились два только что приехавших монастырских монаха: один Клиопа, высокий и седой старик в обрызганной грязью рясе и в латаной скуфейке, другой Диодор, чернобородый и смуглый, по-видимому, грузин родом, в обыкновенном мужицком тулупе. Они снимали с телег мешки с рожью, привезенной ими для помола. Несколько поодаль от них на темной, грязной траве сидел работник Евсей, молодой, безусый парень в рваном кургузом тулупе и совершенно пьяный. Он мял в руках рыболовную сеть и делал вид, что починяет ее.

Мельник долго водил глазами и молчал, потом уставился на монахов, таскавших мешки, и проговорил густым басом:

Вы, монахи, зачем это в реке рыбу ловите? Кто вам позволил?

Монахи ничего не ответили и даже не взглянули на мельника.

Тот помолчал, закурил трубку и продолжал:

Сами ловите да еще посадским мещанам позволяете. Я в посаде и у вас реку на откуп взял, деньги вам плачу, стало быть, рыба моя и никто не имеет полного права ловить ее. Богу молитесь, а воровать за грех не считаете.

Мельник зевнул, помолчал и продолжал ворчать:

Ишь ты, какую моду взяли! Думают, что как монахи, в святые записались, так на них и управы нет. Возьму вот и подам мировому. Мировой не поглядит на твою рясу, насидишься ты у него в холодной. А то и сам, без мирового справлюсь. Попаду на реке и так шею накостилю, что до страшного суда рыбы не захочешь!

Напрасно вы такие слова говорите, Алексей Дорофеич! проговорил Клиопа тихим тенорком. Добрые люди, которые бога боятся, таких слов собаке не

говорят, а ведь мы монахи!

Монахи, передразнил мельник. Тебе понадобилась рыба? Да? Так ты купи у меня, а не воруй!

Господи, да нешто мы ворует? поморщился Клиопа. Зачем такие слова? Наши послушники ловили рыбу, это точно, но ведь на это они от отца архимандрита дозволение имели. Отец архимандрит так рассуждают, что деньги взяты с вас не за всю реку, а только за то, чтоб вы на нашем берегу имели право сети ставить. Река не вся вам дадена... Она не ваша и не наша, а божья...

И архимандрит такой же, как ты, проворчал мельник, стуча трубкой по сапогу. Любит обшить, тоже! А я разбирать не стану. Для меня архимандрит всё равно что ты или вот Евсей. Попаду его на реке, так и ему влетит...

А что вы собираетесь бить монахов, так это как вам угодно. Для нас же на том свете лучше будет. Вы уж били Виссариона и Антипия, так бейте и других. Замолчи, не трогай его! проговорил Диодор, дергая Клиопу за рукав.

Клиопа спохватился, умолк и стал таскать мешки, мельник же продолжал браниться. Ворчал он лениво, посасывая после каждой фразы трубку и сплевывая. Когда иссяк рыбный вопрос, он вспомнил о каких-то его собственных двух мешках, которые якобы зажулили когда-то монахи, и стал браниться из-за мешков, потом, заметив, что Евсей пьян и не работает, он оставил в покое монахов и набросился на работника, оглашая воздух отборною, отвратительною руганью.

Монахи сначала крепились и только громко вздыхали, но скоро Клиопа не вынес... Он всплеснул руками и произнес плачущим голосом:

Владыка святой, нет для меня тягостнее послушания, как на мельницу ездить! Суший ад! Ад, истинно ад!

А ты не езд! огрызнулся мельник.

Царица небесная, рады бы сюда не ездить, да где же нам другую мельницу взять? Сам посуди, кроме тебя тут в окружности ни одной мельницы нет!

Просто хоть с голоду помирай или немолотое зерно кушай!

Мельник не унимался и продолжал сыпать во все стороны ругань. Видно было, что ворчанье и ругань составляли для него такую же привычку, как сосанье трубки.

Хоть ты нечистого не поминай! умолял Клиопа, оторопело мигая глазами. Ну помолчи, сделай милость!

Скоро мельник умолк, но не потому, что его умолял Клиопа. На плотине показалась какая-то старуха, маленькая, кругленькая, с добродушным лицом, в каком-то странном полосатом салопике, похожем на спинку жука. Она несла небольшой узелок и подпиралась маленькой палочкой...

Здравствуйте, батюшки! зашепелявила она, низко кланяясь монахам. Помогай бог! Здравствуй, Алешенька! Здравствуй, Евсеюшка!..

Здравствуйте, маменька, пробормотал мельник, не глядя на старуху и хмурясь. А я к тебе в гости, батюшка мой! сказала она, улыбаясь и нежно заглядывая в лицо мельника. Давно не видала. Почитай, с самого Успеньева дня не видались... Рад не рад, а уж принимай! А ты словно похудел будто...

Старушонка уселась рядом с мельником, и около этого громадного человека ее салопик еще более стал походить на жука.

Да, с Успеньева дня! продолжала она. Соскучилась, вся душа по тебе выболела, сыночек, а как соберусь к тебе, то или дождь пойдет, или заболею... Сейчас вы из посада? угрюмо спросил мельник.

Из посада... Прямо из дому...

При ваших болезнях и при такой комплекции вам дома сидеть нужно, а не по гостям ходить. Ну, зачем вы пришли? Башмаков не жалко!

Поглядеть на тебя пришла... Их у меня, сынов-то, двое, обратилась она к монахам, этот, да еще Василий, что в посаде. Двоечко. Им-то всё равно, жива я или померла, а ведь они-то у меня родные, утешение... Они без меня могут, а я без них, кажется, и дня бы не прожила... Только вот, батюшки, стара стала, ходить к нему из посада тяжело.

Наступило молчание. Монахи снесли в сарай последний мешок и сели на телегу отдыхать... Пьяный Евсей всё еще мял в руках сеть и клевал носом.

Не вовремя пришли, маменька, сказал мельник. Сейчас мне в Каряжино ехать нужно.

Езжай! с богом! вздохнула старуха. Не бросать же из-за меня дело... Я отдохну часик и пойду назад... Тебе, Алешенька, кланяется Вася с детками...

Всё еще водку трескает?

Не то чтобы уж очень, а пьет. Нечего греха таить, пьет... Много-то пить, сам знаешь, не на что, так вот разве иной раз добрые люди поднесут... Плохое его житье, Алешенька! Намучилась я, на него глядячи... Есть нечего, детки оборванные, сам он на улицу стыдно глаза показать, все штаны в дырах и сапогов нет... Все мы вшестером в одной комнате спим. Такая бедность, такая бедность, что горчее и придумать нельзя... С тем к тебе и шла, чтоб на бедность попросить... Ты, Алешенька, уж уважь старуху, помоги Василию...

Брат ведь!

Мельник молчал и глядел в сторону.

Он бедный, а ты слава тебе, господи! И мельница у тебя своя, и огороды держишь, и рыбой торгуешь... Тебя господь и умудрил, и возвеличил супротив всех, и насытил... И одинокий ты... А у Васи четверо детей, я на его шее живу, окаянная, а жалованья-то всего он семь рублей получает. Где ж ему прокормить всех? Ты помоги...

Мельник молчал и старательно набивал свою трубку.

Дашь? спросила старуха.

Мельник молчал, точно воды в рот набрал. Не дождавшись ответа, старуха вздохнула, обвела глазами монахов, Евсея, встала и сказала:

Ну бог с тобой, не давай. Я и знала, что не дашь... Пришла я к тебе больше из-за Назара Андреича... Плачет уж очень, Алешенька! Руки мне целовал и всё просил меня, чтоб я сходила к тебе и упросила...

Чего ему?

Просит, чтоб ты ему долг отдал. Отвез, говорит, я ему рожь для помолу, а он назад и не отдал.

Не ваше дело, маменька, в чужие дела мешаться, проворчал мельник. Ваше дело богу молиться.

Я и молюсь, да уж что-то бог моих молитв не слушает. Василий нищий, сама я побираюсь и в чужом салопе хожу, ты хорошо живешь, но бог тебя знает, какая душа у тебя. Ох, Алешенька, испортили тебя глаза завистливые! Всем ты у меня хорош: и умен, и красавец, и из купцов купец, но не похож ты на настоящего человека! Неприветливый, никогда не улыбнешься, доброго слова не скажешь, немилостивый, словно зверь какой... Ишь какое лицо! А что народ про тебя рассказывает, горе ты мое! Спроси-ка вот батюшек! Врут, будто ты народ сосешь, насильничаешь, со своими разбойниками-работниками по ночам прохожих грабишь да коней воруешь... Твоя мельница, словно место какое проклятое... Девки и ребята близко подходить боятся, всякая тварь тебя сторонится. Нет тебе другого прозвания, окромя как Каин и Ирод...

Глупые вы, маменька!

Куда ни ступишь трава не растет, куда ни дыхнешь муха не летает. Только и слышу я: Ах, хоть бы его скорей кто убил или засудили! Каково-то матери слышать всё это? Каково? Ведь ты мне родное дитя, кровь моя...

Одначе мне ехать пора, проговорил мельник, поднимаясь. Прощайте, маменька!

Мельник выкатил из сарая дроги, вывел лошадь и, втолкнув ее, как собачонку, между оглобель, начал запрягать. Старуха ходила возле него, заглядывала ему в лицо и слезливо моргала.

Ну, прощай! сказала она, когда сын ее стал быстро натягивать на себя кафтан. Оставайся тут с богом, да не забывай нас. Постой, я тебе гостинца дам... забормотала она, понизив голос и развязывая узел. Вчерась была у дьяконицы и там угощали... так вот я для тебя спрятала...

И старуха протянула к сыну руку с небольшим мятным пряником...

Отстаньте вы! крикнул мельник и отстранил ее руку.

Старуха сконфузилась, уронила пряник и тихо поплелась к плотине... Сцена эта произвела тяжелое впечатление. Не говоря уж о монахах, которые

вскрикнули и в ужасе развели руками, даже пьяный Евсей окаменел и испуганно уставился на своего хозяина. Понял ли мельник выражение лиц монахов и работника, или, быть может, в груди его шевельнулось давно уже уснувшее чувство, но только и на его лице мелькнуло что-то вроде испуга... Маменька! крикнул он.

Старуха вздрогнула и оглянулась. Мельник торопливо полез в карман и достал оттуда большой кожаный кошелек...

Вот вам... пробормотал он, вытаскивая из кошелька комок, состоявший из бумажек и серебра. Берите!

Он покрутил в руке этот комок, помял, для чего-то оглянулся на монахов, потом опять помял. Бумажки и серебряные деньги, скользя меж пальцев, друг за дружкой попадали обратно в кошелек, и в руке остался один только двугривенный... Мельник оглядел его, потер между пальцами и, крикнув, побагровев, подал его матери.